

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**“A FAIRYTALE WORLD,
AN AMAZING LAND”?**
**HISTORY, LANGUAGE, AND CULTURE
OF MULTI-ETHNIC BANAT**

**Abstracts
of the International Roundtable Discussion
on the Zoom Platform**

10 April
2025

Edited by
Olga Khavanova and Daria Vashchenko

Moscow
2025

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

«СКАЗОЧНЫЙ МИР, УДИВИТЕЛЬНЫЙ КРАЙ»?

ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
ПОЛИЭТНИЧНОГО БАНАТА

**Тезисы
Международного «круглого стола»
на платформе Zoom**

10 Апреля
2025 г.

Под редакцией
О.В. Хавановой и Д.Ю. Ващенко

МОСКВА
2025

УДК 94 (436+439+498)+497.1
ББК 63.3(44-9)
С42

Редакторы-составители:
О.В. Хаванова, Д.Ю. Ващенко

С42 «Сказочный мир, удивительный край»? История, язык и культура полиэтничного Баната. Тезисы международного «круглого стола» на платформе Zoom / Ред.-сост. О.В. Хаванова, Д.Ю. Ващенко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2025. — 36 с.

ISBN 978-5-7576-0518-0

УДК 94 (436+439+498)+497.1
ББК 63.3(44-9)

ISBN 978-5-7576-0518-0

© Коллектив авторов, текст, 2025
© Институт славяноведения РАН, 2025

TABLE OF CONTENTS

Benjamin LANDAIS

- “Privileged Nation” or “Normative Textual Community”?
New Perspectives on the Banat Society in the Eighteenth Century 7

Gábor DEMETER

- A GIS-aided Statistical Approach to Analyse Patterns and Trends
in the Banat at the Turn of the Eighteenth and Nineteenth Centuries 11

Manuela ANTON

- The Romanian Historiography in the Banat during the Age
of Enlightenment: Nicolae Stoica 15

Vladimir SIMIĆ

- Religious Painting by Arsenije Teodorović in Orthodox Churches
in the Banat 19

Ivan STRUTINSKY

- Spring Cycle Holidays in Romanian and Serbian Villages
of the Banat 23

Natalia GOLANT

- Notes on the Linguistic Situation in a Village in the Banat
(based on materials from the expedition to the Bulgarians
in the village of Ivanovo in the Pančevo municipality, Serbia) 27

Sergej BORISOV

- Epigraphy of Czech Tombstones in the Village of Sfânta Elena
in the Banat 31

СОДЕРЖАНИЕ

Бенжамен ЛАНДЕ

- «Привилегированная нация»
или «нормативно-текстуальное сообщество»?
Новые перспективы изучения общества Баната в XVIII в. 9

Габор ДЕТЕТЕР

- Статистический подход на основе геоинформационной системы (GIS)
к анализу паттернов и трендов в Банате на рубеже XVIII–XIX вв. 13

Мануэла АНТОН

- Румынская историография в Банате в эпоху Просвещения:
Николае Стоика 17

Владимир СИМИЧ

- Религиозная живопись Арсения Теодоровича
в православных церквях Баната 21

Иван Михайлович СТРУТИНСКИЙ

- Праздники весеннего цикла в румынских и сербских селах Баната 25

Наталья Геннадьевна ГОЛАНТ

- Заметки о языковой ситуации в одном банатском селе
(по материалам экспедиции к болгарам в с. Иваново
общины Панчево, Сербия) 29

Сергей Александрович БОРИСОВ

- Эпиграфика чешских надгробий в селе Сфынта-Елена в Банате 33

Benjamin Landais

(University of Avignon, Avignon, France)

“PRIVILEGED NATION” OR “NORMATIVE TEXTUAL COMMUNITY”? NEW PERSPECTIVES ON THE BANAT SOCIETY IN THE EIGHTEENTH CENTURY

The Banat¹ became a land of colonisation in the eighteenth century. Since then, the region has acquired a reputation for being a multi-ethnic society. But what is the nature of these so-called ‘nations’ before the era of nationalism? The idea of a permanent ethnic substratum has long been disqualified. It is indeed anachronistic to apply a cultural or ethnolinguistic framework conceived in the nineteenth and twentieth centuries to an early modern society. Nevertheless, the categories used in documents from the era — the term “nation” and a long series of ethnonyms — must be taken seriously.

The vision of the imperial administrators is not the most complex to analyse with the tools of imagology: its origins lie in the claimed mission to liberate the Christian peoples from the Ottoman “yoke” since the sixteenth century². Until the 1760s, the implicit hierarchy of ‘nations’ was based on this principle: the degree of loyalty and participation in this project was the main criterion for classification. At the top were the “Germans”, imperial subjects who had come to fight the infidels. In the middle were the “Illyrians” (a terminology disseminated by humanism) or “Rascians”, whose allegiance to the Habsburgs was officially recognised. A subordinate position was held by the “Valachians”, who were criticised for their opportunism. Occupying an excluded position, the “Hungarians” were associated with the rebellious nobility. In each case, a people was not defined by very clear cultural or denominational characteristics,

¹ Landais B. Nations, privilèges et ethnicité: le Banat habsbourgeois, un laboratoire politique aux confins de l’Europe éclairée. Strasbourg, 2023.

² Marin I. Contested frontiers in the Balkans: Habsburg and Ottoman rivalries in Eastern Europe. London; New York, 2013.

but was designated by means of a synecdoche (the German colonists became the ‘Germans’, the ‘Illyrian’ clergy the whole nation, etc.). This shared imagery can be traced in contemporary correspondence and administrative memoranda. This discourse is performative: it partly guides the policy of colonisation, but it does not create an ethnic division of society.

This makes it difficult to describe the nature of the Banat society at the time. Several authors have used the notion of ‘privileged nations’ to describe the legal situation. This concept is useful, insofar as it avoids referring to a ‘cultural nation’ or ‘ethnic group’. However, it remains insufficient, as status and privilege do not structure the entire society into defined blocks. The ‘Illyrian diplomas’, obtained in 1690–1691, applied only to the clergy of the Orthodox Church and did little to protect the ordinary faithful, who were not exempt from common jurisdiction. However, this type of privilege was on the increase with the “Rascian” municipality of Timisoara in 1744, the “Bulgarian” municipality of 1744, the “Greek” municipality of 1773 and the district of Kikinda in 1775. For this reason, the concept of “normative textual community” seems useful. The expression is borrowed from the medievalists Paul Bertrand³ and Brian Stock⁴. It refers to institutions that establish their existence over time through written privileges that are regularly renewed and highlighted in community ceremonies. Our contribution will seek to show that the attachment to the text of the “Illyrian privileges” and the constellation of local statuses was a driving force in Banat political life until the 1780s. It creates a textual community that in many cases encompasses a social community capable of mobilising members far beyond the circle of literate elites. ■

³ *Bertrand P.* “Textual community reloaded”: redéfinir les communautés textuelles // *Mélanges de l’École française de Rome – Moyen Âge*. 2024. N° 136/1. P. 127–134.

⁴ *Stock B.* *The Implications of Literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries.* Princeton, 1983.

Бенжамен Ланде

(Авиньонский университет, Авиньон, Франция)

«ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ НАЦИЯ» ИЛИ «НОРМАТИВНО-ТЕКСТУАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО»? НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВА БАНАТА В XVIII в.

В XVIII в. Банат¹ стал объектом габсбургской колонизации. С тех пор регион характеризовался как полиэтничный. Но какова природа так называемых наций до наступления эпохи национализма? Идея неизменного этнического субстрата была уже давно отвергнута, как и использование культурной или лингво-этнической инфраструктуры, оформившейся в XIX и XX в., применительно к обществу раннего Нового времени. Тем не менее, к категориям, используемым в документах той эпохи — термин «нация» и многочисленные этнонимы — необходимо подходить со всей серьезностью.

Представления австрийской имперской администрации (не отличавшиеся большой сложностью) удобнее всего анализировать с помощью приемов имагологии: в их основе лежит самопровозглашенная миссия по освобождению христианских народов от османского «ярма» начиная с XVI в.² До 1760-х годов имплицитная иерархия народов основывалась на этом принципе: в основу классификации легли степень лояльности и участия в этом проекте. На вершине находились «немцы», подданные империи, пришедшие воевать с неверными. В середине находились «иллиры» (термин, восходящий к гуманизму) или «расцы», чья верность Габсбургам была подтверждена официально». В подчиненном положении были «валахи», подвергавшиеся критике за оппортунизм. «Венгры» считались изгоями и ассоциировались с мятежным дворянством.

¹ *Landais B.* Nations, privilèges et ethnicité: le Banat habsbourgeois, un laboratoire politique aux confins de l'Europe éclairée. Strasbourg, 2023.

² *Marin I.* Contested frontiers in the Balkans: Habsburg and Ottoman rivalries in Eastern Europe. London; New York, 2013.

В каждом конкретном случае тот или иной народ не имел четких культурных или религиозных характеристик, но обозначался синекдохой (немецкие колонисты стали «немцами», «иллирское» духовенство относилось к нации в целом и т.п.). Эти понятные всем воображаемые конструкты фигурируют в официальной корреспонденции и административных документах. Подобный дискурс был вполне перформативен: отчасти он направлял политику колонизации, но не создавал деления общества по этническому принципу.

Все это затрудняет анализ природы общества Баната той эпохи. Одни авторы использовали для описания правовой ситуации понятие «привилегированная нация». Этот термин полезен, поскольку не апеллирует к «культурной нации» или «этнической группе». И все-таки он не в полной мере отражает реалии, поскольку статус и привилегии не структурируют общество в целом в четко очерченные блоки. Дипломы Леопольда I, изданные в 1690–1691 гг., касались только православного духовенства и никак не защищали простых верующих, которые так же являлись его подданными. Однако данный тип привилегий расширился за счет появления «рацского» муниципалитета в Тимишоаре в 1744 г., болгарского — в 1744 г., «греческого» — в 1773 г. и округа Кикинда в 1775 г. По этой причине концепция «нормативно-текстуального сообщества» представляется весьма полезной. Этот термин позаимствован у медиевистов Поля Бертрана³ и Брайана Стока⁴. Он относится к институтам, которые со временем закреплялись посредством письменных привилегий и регулярно обновлялись и акцентуировались в коллективных церемониях. Наш доклад показывает, что приверженность тексту дипломов Леопольда I и набору местных статутах являлась движущей силой в политической жизни Баната вплоть до 1780-х годов. Она создавала текстуальное сообщество, которое во многих случаях охватывало социальную общность, способную к мобилизации далеко за пределами круга образованной элиты. ■

³ *Bertrand P.* “Textual community reloaded”: redéfinir les communautés textuelles // *Mélanges de l'École française de Rome — Moyen Âge*. 2024. № 136/1. P. 127–134.

⁴ *Stock B.* *The Implications of Literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries.* Princeton, 1983.

Gábor Demeter

(Institute of History of the Centre for the Humanities
of the HUN-REN Research Network, Budapest, Hungary)

A GIS-AIDED STATISTICAL APPROACH TO ANALYSE PATTERNS AND TRENDS IN THE BANAT AT THE TURN OF THE EIGHTEENTH AND NINETEENTH CENTURIES

In the recent years two interesting books were published on the Banat of Temesvár in the eighteenth and nineteenth century. The work by Benjamin Landais¹ uses archival sources of the *Haus-, Hof- und Staatsarchiv* (Vienna), the other book from 2024 by Timothy Olin² also relies on the archival material located in the HHStA, as well as the Hungarian National Archives and the Romanian National Archives. However, neither of them decided to take the vast amount of available statistical data on *Adatbázisok Online* at the Hungarian National Archives into account. The 1828 conscription of tax-payer peasants has recently been uploaded for the whole country — including the Banat. These sheets allow researchers to carry out investigations not only at the settlement level (there are settlement level summaries, the so-called *Generalia* sheets), but also at the individual level. Available data contain information on family members, arable land, meadows, vineyards, animals, state tax paid, etc. Together with information of external features (soil quality, slope steepness, slopes with southern aspect, religion, ethnicity, etc.), this offers a possibility for a fine-scale quantitative analysis and the assessment of internal inequalities. Data has been under digitization within the frames of the *GISta Hungarorum*³ project, which also contains the unpublished data

¹ Landais B. Nations, privilèges et ethnicité. Le Banat habsbourgeois: Un laboratoire politique aux confins de l'Europe éclairée. Strasbourg, 2023.

² Olin T. The Banat of Temesvar. Borderland Colonization in the Habsburg Monarchy. Stanford, 2025.

³ Wordplay: *GISta Hungarorum/ Gesta Hungarorum* (lat.) — *The Deeds of the Hungarians*, a historical chronicle from the twelfth century.

of the 1786 conscription of the Chancellery in a digitalised form — for the entire country at settlement level. The structure of the 1786 conscription is very similar to that from 1828, but in addition, it contains the days spent on compulsory work (*corvée*, *robot*, *angarija*) and the so-called *naturalia*, the gifts in kind given to the landlord.

The *GISta Hungarorum* has been continuously expanding since 2014. Originally it contained statistical data for the time horizon spanning from 1865–1910, including agrarian income and taxation data, beside the official census data. This information is also available for the Banat at www.gistory.hu. Later the database was broadened for the eighteenth century and a webmap-server was created to illustrate spatial patterns and their temporal changes on some hundreds of thematic maps at the settlement level from 3 time horizons (<http://gistahungarorum.abtk.hu>). *GISta Hungarorum* now contains more than 12.500 settlements with serial sources processed from 1720 to 2010, integrating altogether more than 10 million data sets, and it can be integrated into the medieval (1330, 1500) and Ottoman databases (1550), which are still under construction.

The integration of the 1828 settlement level data will be finished and visualized by 2026. In this lecture, through preliminary results, I try to highlight the internal pattern of the Banat at the turn of the eighteenth and twentieth centuries, just after the main wave of repopulation and consolidation. I also try to illustrate some changes, as far as the two sources from 1786 and 1828 allow this. Finally, at the county level, I attempt to compare the Banat with Hungary as a whole. Beside mapping phenomena with the aid of GIS, a statistical analysis will be executed, too. ■

Габор Деметер

(Институт истории Центра гуманитарных исследований
Исследовательской сети HUN-REN, Будапешт, Венгрия)

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД НА ОСНОВЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ (GIS) К АНАЛИЗУ ПАТТЕРНОВ И ТРЕНДОВ В БАНАТЕ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.

В последние годы в свет вышли две интересные монографии о Темешварском Банате в XVIII и XIX в. Книга Б. Ландэ¹ написана с использованием источников из Архива династии, двора и государства (*Haus-, Hof- und Staatsarchiv*) в Вене, вторая книга авторства Тимоти Олина² также основывается на материалах из национальных и государственных архивов Вены, Будапешта и Бухареста. Однако ни тот ни другой не решились использовать в работе колоссальное количество статистической информации, доступной на портале *Adatbázisok Online* Венгерского национального архива. Недавно на нем появились данные переписи крестьян-налогоплательщиков за 1828 г. для королевства в целом, включая Банат. Эти данные позволяют проводить исследования не только на уровне поселений (для этого имеются обобщения по отдельным поселениям — так называемые *Generalia*), но и на индивидуальном уровне. Ученым доступна информация по членам семей, пахотным землям, лугам, виноградникам, домашним животным, суммам уплачиваемых налогов и пр. С учетом информации по внешним параметрам (качество почвы, крутизна склонов, склоны, обращенные на юг, религия, этническая принадлежность и т. д.) можно проводить точный квантитативный анализ и замерять внутренние неравномерности. Эти данные были оцифрованы в рамках

¹ *Landais B.* Nations, privilèges et ethnicité. Le Banat habsbourgeois: Un laboratoire politique aux confins de l'Europe éclairée. Strasbourg, 2023.

² *Olin T.* The Banat of Temesvar. Borderland Colonization in the Habsburg Monarchy. Stanford, 2025.

проекта *GISta Hungarorum*³, который также включал оцифровку неопубликованных данных переписи 1786 г., проводившейся Венгерской королевской канцелярией, для страны в целом на уровне поселений. Структура переписи 1786 г. в целом схожа с переписью 1828 г., но также включает в себя сведения о количестве дней, проведенных на обязательных работах (барщина) и так называемые *naturalia*, или подношения помещику.

С 2014 г. база данных *GISta Hungarorum* регулярно пополняется. Изначально в ней содержались статистические данные за период 1865–1910 гг., включая данные по доходам от сельскохозяйственной деятельности и налогам согласно официальным переписям населения. Эти данные доступны и по Банату на сайте www.gistory.hu. Впоследствии в базу данных была включена статистика по XVIII в. и создан сервер веб-карт для иллюстрации пространственных паттернов и их временных изменений на уровне тематических карт нескольких сотен поселений в трех временных горизонтах (<http://gistahungarorum.abtk.hu>). В настоящее время *GISta Hungarorum* насчитывает 12,5 тыс. поселений с однотипными данными за период с 1720 г. по 2010 г., интегрирующий более 10 млн позиций, которые могут быть соединены со средневековыми (1330 и 1500 г.) и османской (1550 г.) находящимися в стадии разработки базами. Интегрирование данных 1828 г. по поселениям намечено на 2026 г.

В докладе на материале предварительных результатов, я покажу внутренний паттерн Баната на рубеже XVIII–XIX вв. сразу после основной волны репопуляции и консолидации. Я также предприму попытку проиллюстрировать некоторые изменения, основываясь на данных за 1786 г. и 1828 г. Наконец, я сравню Банат и Венгерское королевство в целом на уровне комитатов. Помимо нанесения на карту явлений с помощью геоинформационной системы будет проведен статистический анализ. ■

³ Игра слов: *GISta Hungarorum* / *Gesta Hungarorum* (лат.) — «Деяния венгров», историческая хроника XII в.

Manuela Anton

(Institute of Literary History and Theory «G. Călinescu»
at the Romanian Academy, Bucharest, Romania)

THE ROMANIAN HISTORIOGRAPHY IN THE BANAT DURING THE AGE OF ENLIGHTENMENT: NICOLAE STOICA

The Orthodox priest and educator Nicolae Stoica (1751–1833), also known as Nicolae Stoica of Hațeg, is the author of several historical writings: *The Chronicle of Banat* (1826–1827) (in Romanian), *The Short Chronicle of the (Austro-Turkish) War of 1788–1791* and *The Chronicle of Mehadia* (both in German). His other two works — *The Short History of Banat* (in German) and *The Serbs of Banat* (in Serbian) — no longer exist. Stoica paved the way for the development of the regional and local historiography. He is credited as the first Romanian archaeologist, epigraphist and numismatologist (or better to say in one word: antiquarian). In *The Chronicle of Banat*, Stoica acknowledges that he has been passionate about collecting antiquities since he was a child, thus following the example of the Count Johann Andreas von Hamilton (1689–1738), who in 1734–1736 started to demolish and rebuild the Roman Baths near Mehadia (Stoica’s place of birth). For Nicolae Stoica, the Roman vestiges of the Banat illustrated the Latin origin of the Romanians and their continuity not only in this region, but also on the whole territory inhabited by them. The purpose of my paper is to contribute new insights to the issue of the beginnings of the Romanian Enlightenment historiography in the Banat.

The Chronicle of Banat is the most important of Nicolae Stoica’s historical writings. The author’s first intention was only to record — for didactic purposes — the deeds of the Austro-Turkish War of 1788–1791, during which he served as a military chaplain of the Romanian-Serbian border guard regiment and as an intelligence officer who collected information from the Romanians who fought for the Ottoman army. The succinct but precise data (“so that it would be remembered”) about the “suffering” of the Romanians in the war have been preserved in

The Short Chronicle of the (Austro-Turkish) War of 1788–1791. But Stoica ended up writing a history of the Banat, divided into three parts: first, ancient world history (from the “creation of the world”) until the early Middle Ages; second, 892–1716; and, third, 1717–1825. Although written in the rather outdated form of the seventeenth-century Romanian chronicles, Stoica’s work has been greatly influenced by the corpus of historical scholarly literature created by the representatives of the so-called Transylvanian School (especially by Petru Maior) in regard to the historical rights of the Romanians. Nicolae Stoica also learned how to write a history of the Banat from several popular eighteenth-century historians, such as Johann Matthias Schröckh (*Enleitung zur Universalhistorie*, 1757), Jovan Rajić (*The History of Various Slavic Peoples, especially of Bulgars, Croats and Serbs*, 1794–1795) and Francesco Grisellini (*Versuch einer politischen und natürlichen Geschichte des Temeswarer Banats*, 1780). The third part of the chronicle is the most extensive, in which the author introduces recollections of events by his father, priest Atanasie, as well as those by the elders in the villages (some of the informants’ names are mentioned). In his work Nicolae Stoica provides a description of the religious life of the region and data about the metropolitans and bishops whom he met throughout his life. ■

Мануэла Антон

*(Институт истории и теории литературы им. Дж. Кэлинеску
Румынской академии, Бухарест, Румыния)*

РУМЫНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В БАНАТЕ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ: НИКОЛАЕ СТОИКА

Православный священник и просветитель Николае Стоика (1751–1833), также известный как Николае Стоика из Хацега, написал несколько исторических сочинений: на румынском языке — «Хроника Баната» (1826–1827), на немецком языке — «Краткая хроника (австро-турецкой) войны 1788–1791» и «Хроника Мехадии». Два других сочинения, «Краткая история Баната» (на немецком языке) и «История сербов Баната» (на сербском языке), не дошли до наших дней. Стоика был пионером развития региональной и локальной истории. Он считается первым румынским археологом, эпиграфиком и нумизматологом, одним словом — антикварием. В «Хронике Баната» Стоика признался, что страсть к собиранию древностей пришла к нему в детском возрасте как подражание графу Иоганну Андреасу Гамильтону (1689–1738), в 1734–1736 гг. разрушившему, а затем восстановившему римские термы близ Мехадии (родного города Стоики). Для Стоики римские развалины Баната служили доказательством древнеримского происхождения румын и их автохтонности не только в этой местности, но и на всей территории проживания. В докладе рассматривается ранний этап румынской историографии эпохи Просвещения в Банате, связанный, в том числе, с именем Николае Стоики.

«Хроника Баната» по праву считается наиболее значимым историческим сочинением Николае Стоики. Изначально автор намеревался лишь записать, в дидактических целях, события австро-турецкой войны 1788–1791 гг., во время которой он служил военным капелланом в румынско-сербском граничарском полку и офицером разведки, добывавшим информацию от румын, сражавшихся в османской армии. Лаконичные, но точные сведения («чтобы это

запомнилось») о «страданиях» румын в годы войны сохранились в «Краткой хронике (австро-турецкой) войны 1788–1791 гг.». Но в итоге Стоика написал историю Баната в трех частях: первая посвящена древней всемирной истории (от «сотворения мира») до раннего Средневековья, вторая охватывает 892–1716 гг., третья — период с 1717 по 1825 г. Хотя сочинение Стоики написано в устаревшем жанре румынских хроник XVII в., автор, тем не менее, находился под сильным влиянием корпуса исторической научной литературы, созданной представителями так называемой Трансильванской школы, прежде всего Петру Майором (1761–1822), писавшего об исторических правах румын, а также некоторых других популярных историков XVIII в., таких как Иоганн Матиас Шрёк (1733–1808) («Введение во всеобщую историю», 1757 г.), Йована Раича (1726–1801) («История различных славянских народов, в особенности болгар, хорватов и сербов», 1794–1795 гг.) и Франческо Гризелини (1717–1787) («Опыт политической и естественной истории Темешварского Баната», 1780 г.). Третья часть хроники, самая объемная, включает в себя воспоминания отца автора, священника Атанасия Стоики, и старших односельчан с упоминанием имен некоторых информантов. Николае Стоика дал описание религиозной жизни региона и привел сведения о митрополитах и епископах, с которыми автор был лично знаком. ■

Vladimir Simić

(University of Belgrade, Belgrade, Serbia)

RELIGIOUS PAINTING BY ARSENJE TEODOROVIĆ IN ORTHODOX CHURCHES IN THE BANAT

Arsenje Teodorović (1767–1826) stands out as the most prominent Serbian painter at the turn of the 18th and 19th centuries, holding an exceptionally significant place in encyclopaedias and historical overviews of Serbian art. His work embodies the transitional period between the Late Baroque and Classicism, reflecting both the aesthetic shifts of the time and the broader intellectual currents of the Enlightenment. As an artist who successfully navigated these stylistic changes, Teodorović played a crucial role in the modernization of Serbian art, aligning it more closely with Western European artistic trends, while at the same time preserving the essential elements of Serbian religious and cultural identity.

Born in Perlez in the Banat, Teodorović enrolled at the Vienna Academy of Fine Arts in 1788, where he studied until the summer of 1792. During his time at the Academy, he was profoundly influenced by two leading Viennese painters of the period: Anton Schaller and Johann Heinrich Fügner. Fügner, a Rococo painter and director of the Academy, played a particularly significant role in shaping Teodorović's approach to composition, color, and form. In Vienna, Teodorović was also exposed to a vibrant intellectual milieu, frequently interacting with Serbian scholars and cultural figures, including Dositej Obradović, a leading advocate of the idea of Enlightenment prevalent among the Serbs in the Habsburg Monarchy.

Teodorović's works, particularly in the field of church painting, reflect the Enlightenment ideals of rationality, order, and moral elevation. His compositions exhibit a clear structure, balanced proportions, and an idealization of figures, distinguishing his work from the more expressive and dynamic Baroque traditions that preceded him. This shift is evident in the frescoes and iconostases he created in various churches

across the Banat, including those in Veliki Semikluš, Saravola, Veliki Komluš, Melenci, and Zrenjanin. These works represent a fusion of traditional Serbian iconographic schemes with contemporary European aesthetic principles, demonstrating Teodorović's ability to blend innovation in with continuity. His engagement with Enlightenment ideals is particularly evident in the way he depicted religious themes — not merely as static devotional images, but as refined compositions imbued with clarity, dignity, and a sense of moral instruction.

Recognizing the demands of his numerous commissions, Teodorović maintained a large workshop where he trained younger artists, many of whom would later become significant figures of Serbian art in the mid-19th century. His influence, therefore, extended far beyond his own oeuvre, as his students carried forward his stylistic principles and helped shape the visual culture of Serbian religious and secular painting in the decades to come.

Although Teodorović was a pivotal figure in Serbian art history, his work has not received sufficient scholarly attention in recent decades. This presentation seeks to close that gap by providing an overview and analysis of his contributions, particularly focusing on his work in the churches of the Banat. By examining his artistic legacy, this study aims to highlight Teodorović's crucial role in the evolution of Serbian art and identity during this transformative period. ■

Владимир Симич

(Белградский университет, Белград, Сербия)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ АРСЕНИЯ ТЕОДОРОВИЧА В ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЯХ БАНАТА

Арсений Теодорович (1767–1826), который считается самым выдающимся сербским живописцем рубежа XVIII–XIX вв., по праву занимает исключительно важное место в энциклопедиях и исторических сочинениях по истории сербского искусства. Его творчество относится к переходному периоду между поздним барокко и классицизмом, отражает эстетические изменения эпохи и связано с широкими интеллектуальными течениями Просвещения. Как художник, который свободно ориентировался в этих стилистических нововведениях, Теодорович играл важную роль в развитии сербского искусства, привнося в него западноевропейские художественные тенденции, но сохраняя важные черты сербской религиозной и культурной идентичности.

Теодорович родился в Банате, в Перлеце, в 1788 г. поступил в Академию изящных искусств в Вене, где обучался до лета 1792 г. Во время учебы он испытал глубокое влияние двух ведущих венских художников того периода — Антона Шаллера и Иоганна Генриха Фюггера. Именно Фюггер, прославившийся полотнами в стиле рококо и возглавлявший академию, сыграл особенно заметную роль в отношении Теодоровича к композиции, цвету и форме. Оказавшись в Вене, молодой сербский живописец вращался в местной интеллектуальной среде, познакомился с сербскими учеными и деятелями культуры, включая Досифея Обрадовича — главного проводника идей Просвещения среди сербов Габсбургской монархии.

Творчество Теодоровича, в особенности его церковная живопись, пронизана просвещенческими идеалами рациональности, порядка и духовного совершенствования. Его композиции обращают на себя внимание четкой структурой, сбалансированными пропорциям и идеализацией изображаемых фигур, что отличает его работы от

более экспрессивных и динамичных барочных традиций предшествующей эпохи. Этот сдвиг очевиден во фресках и иконостасах, которые он создал в разных церквях по всему Банату, включая поселения Велики Семиклуш (ныне Сынниколау-Маре в Румынии), Саравола (ныне Саравале в Румынии), Велики Комлуш (ныне Комлошу-Маре в Румынии), Меленци (ныне в Сербии) и Зренянин (ныне в Сербии). Эти произведения соединяют в себе традиционные сербские иконографические схемы с современными европейскими эстетическими принципами, демонстрируя способность Теодоровича сочетать инновации с преемственностью. Его увлечение идеалами Просвещения особенно проявилось в подходе к религиозным сюжетам: он писал не просто статичные религиозные образы, но создавал изысканные композиции, пронизанные ясностью, достоинством и нравственно-дидактическим чувством. ■

Ivan Strutinsky

(Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia)

SPRING CYCLE HOLIDAYS IN ROMANIAN AND SERBIAN VILLAGES OF THE BANAT

While the winter holidays of the Banat Serbs and Romanians differ significantly, and have been celebrated on different days since 1924, the spring holidays are usually celebrated by Serbs and Romanians together. In Orešac (Orešaț), a village with a mixed population, during the week before the beginning of Lent, both Romanians and Serbs participate in *maskembal*, a ritual walk around the courtyards in masks. During the 2023 expedition, we also recorded information about mummers (*căluțeri*) walking around the courtyards in the Romanian villages of Ritiševo (Râțișor), Grebenac (Grebeňaț), and Vojvodinci (Voivodinț). People from surrounding villages come to the famous Shrovetide masquerade in the entire Banat, which takes place annually in the Romanian village of Grebenac — *Fașancu la Grebeňaț*. The mummers often portray a wedding procession. In Ritiševo and Vojvodinci, on the Saturday of the week before the beginning of Lent, bonfires (*foc*, *priveghi*, *priveghiu*) are lit in front of houses. In many villages, bonfires are lit on the following Sunday. On the last day before the Great Lent, both Serbian and Romanian villages lead the dance *kolo*; in the Romanian village of Straža, it is led by the priest. According to the rector of the Church of the Nativity of the Virgin Mary in Straža, a joint round dance on Forgiveness Sunday symbolizes the brotherhood and unity of all village residents. In some Romanian villages in the Serbian Banat, on Saint Todor Saturday (Sântoager), *cutie* is distributed for the remembrance of the soul and graves are decorated with willow branches previously consecrated within the church. In a number of villages, bonfires are lit on the day of the forty martyrs. In Mali Torak, young men jump over the bonfire, shouting: “Îleș cald, tună frig!” [Come out, warmth, conquer the cold!].

On Maundy Thursday, somewhere on Good Friday, people visit the cemetery. In the village of Banatsko Novo selo, only old women

go to the cemetery on Maundy Thursday, in Kuštilj — everyone does: both children and adults; children sing a song about the death of the lily “În câmpul cel cu flori” [In the field with flowers], and adults give them candy in return. In some villages, a brass band plays at the cemetery on Good Friday. On Easter night, Romanians cross the entire village in a religious procession, and the hosts, meeting the festive procession, light fires in front of their houses. In the 1910s, a new tradition arose: in many villages, a brass band (*fanafară*) began to participate in the church procession. Now, Easter chants during the nightly religious procession can often be alternately performed by the church choir and by fanfares. The Easter period of the calendar is associated with many memorial customs among both Romanians and Serbs. In many villages, graves are decorated and cemeteries are lamented on Maundy Thursday, in others on Good Friday. In some villages, Romanians visit the cemetery on the third day after Easter (village Nikolinci), in others on the seventh (village Straža), in others still on the eighth (village Barice); Serbs always do it on the eighth (Romanian *lunia morților*, literally translating as ‘Monday of the Dead’, Serbian *pobošni ponedeljak*).

A number of memorial customs are associated with Trinity Week (Rusalii). In the villages located on the banks of the Timiș and Caraș rivers, a rite is performed that many respondents explain as a ritualized watering of the dead — *slobozirea apei* [pouring water] for the souls of the deceased who have passed away during the year. In the mid-20th century, in many villages, water, wreaths and bread were carried to the cemetery on Trinity. The Banat Hers — a Serbian ethnographic group in the southern Banat — carried “*velika voda*” [big water] from the Wednesday of Lent until Holy Thursday, and “*duhovska voda*” from Ascension Day, whereas in other villages this took place from Holy Thursday until the Thursday of Trinity Week. In the Banat village of Orešac, populated by both Serbs and Romanians, on Holy Thursday in the first year after a person’s death, “*velika voda*” was poured out at the spring in their memory, while bread and a lit candle were being floated on the water. ■

Иван Михайлович Струтинский

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

ПРАЗДНИКИ ВЕСЕННЕГО ЦИКЛА В РУМЫНСКИХ И СЕРБСКИХ СЕЛАХ БАНАТА

Если праздники зимнего цикла у банатских сербов и румын существенно отличаются, а после 1924 г. — и отмечаются в разные дни, то весенние праздники сербы и румыны обычно встречают вместе. В Орешаце — селе со смешанным населением на масленичной неделе и румыны, и сербы участвуют в *măskemбале* — ритуальном обходе дворов в масках. В ходе экспедиции 2023 г. сведения об обходе дворов ряжеными (*căluceri*) мы зафиксировали также в румынских селах Ритишево, Гребенац, Воеводинцы. На известный во всем Банате масленичный маскарад, проходящий ежегодно в румынском селе Гребенац, — *Faşancu la Grebenaț* съезжаются люди из окрестных сел. Нередко ряженные изображают свадебную процессию. В Ритишево и Воеводинцах в субботу масленичной недели (а во многих селах в воскресенье) разводят костры (*foc, priveghi, priveghiu*) перед домами. В последний день перед началом Великого поста и в сербских, и в румынских селах водят *коло*, в румынском селе Стража его заводил священник. По словам настоятеля церкви Рождества Богородицы в Страже совместный хоровод в Прощенное воскресенье символизирует братство, единение всех жителей села.

В некоторых румынских селах сербского Баната в Тодорову субботу (*Sântoager*) раздавали кутью за помин души и украшали могилы освященными в церкви вербовыми ветвями. В ряде сел жгли костры в день сорока мучеников. В Малом Тораке парни прыгают через костер, крича: «*Îeș cald, tună frig!*» [Выходи, тепло, поеди холод!].

В Страстной четверг, где-то — в Страстную пятницу посещают кладбище. В Банатском Новом селе в Страстной четверг на кладбище ходят только пожилые женщины, в Куштилии — все: и дети, и

взрослые; дети поют песню о смерти лилии «În câmpul cel cu flori» [В поле с цветами], а взрослые дают им за это конфеты. В некоторых селах в Страстную пятницу на кладбище играет духовой оркестр. В пасхальную ночь румыны проходят крестным ходом через все село, хозяева, встречая праздничную процессию, зажигают перед домами огни. В 1910-х годах возникла новая традиция: во многих селах в церковной процессии стал участвовать духовой оркестр (fanafară). Теперь нередко пасхальные песнопения во время ночного крестного хода могут поочередно исполняться то церковным хором, то — фанфарами. С пасхальным периодом календаря и у румын, и у сербов связано множество поминальных обычаев. Во многих селах украшают могилы и причитают на кладбище в Великий четверг, в некоторых — в Страстную пятницу. В некоторых селах румыны посещают кладбище на третий день после Пасхи (с. Николинцы), в некоторых — на седьмой (с. Стража), в некоторых на восьмой (с. Барице); сербы — всегда на восьмой (рум. Iunie morţilor, букв. — ‘понедельник мертвых’, серб. побошни понедељак).

С Троицкой неделей (Rusalii) связан ряд поминальных обычаев. В селах, расположенных на берегах рек Тимиш и Караш, проводится обряд, который многие респонденты объясняют как ритуальное поение умерших, — slobozirea apei [поливание воды] для душ покойников, умерших в течение года. В середине XX в. во многих селах на Троицу на кладбище носили воду, венки и хлеб. Банатские херы — сербская этнографическая группа в южном Банате — «велику воду» [большую воду] носили со среды Великого поста до Великого четверга, а «духовску воду» носили с Вознесенья, а в некоторых селах — с Великого четверга и до четверга Троицкой недели. В банатском селе Орешац, населенном как сербами, так и румынами, в Великий четверг в первый год после смерти человека в его память на источнике выливали «велику воду»; по воде пускали хлеб и зажженную свечу. ■

Natalia Golant

(Museum of Anthropology and Ethnology RAS (Kunstkamera),
St. Petersburg, Russia)

NOTES ON THE LINGUISTIC SITUATION IN A VILLAGE IN THE BANAT (BASED ON MATERIALS FROM THE EXPEDITION TO THE BULGARIANS IN THE VILLAGE OF IVANOVO IN THE PANČEVO MUNICIPALITY, SERBIA)

This paper considers the characteristics of one of the communities of Banat-Bulgarian Catholics (in Serbian *paljčene*, *paljčani*, *palčani*, *palčeni*, in Banat-Bulgarian *palkene*) living on the territory of modern Serbia. It is based on materials from the author's field research conducted in April 2024 in the village of Ivanovo, which is part of the Pančevo municipality of the South Banat district of Serbia (Autonomous Region of Vojvodina). When collecting field materials, the interview method was mainly used. The author focuses on the functioning of the Banat-Bulgarian language and the modern literary Bulgarian language in this community. The particular focus of this paper is on the teaching of these languages in schools and outside of school, and it thus provides a brief description of the manual for the parallel study of Banat-Bulgarian and modern literary Bulgarian, written by local historian A. Kálápiš and a teacher from Bulgaria, O. Tsvetkov, who analyses various inscriptions located within the village space (plates with the names of streets and institutions, road signs, inscriptions on tombstones, announcements of deaths, funerals and commemorations, etc.).

The language and culture of the Banat Bulgarians living in the Serbian Banat has been the subject of research in recent years for many Bulgarian, Serbian, Russian and other authors, primarily ethno- and sociolinguists. Among their publications it is worth mentioning, first of all, the articles by Tsenka Ivanova, Nichka Becheva, Marija Vučković, Biljana Sikimić, and Motoki Nomachi, in which the current state of the Banat-Bulgarian language within the territory of Serbia as a whole

is considered, as well as articles by Elena Uzeneva on the dialect and traditional culture of Bulgarians living in the village of Belo Blato in the Zrenjanin municipality of the Central Banat district. However, the only publication known to the author that is fully dedicated to the Banat-Bulgarians living in Ivanovo, is the book by a native of this village, the local historian Augustin Kálápiš¹, written in the Banat-Bulgarian language and published in 2014 in Timișoara (Romania). The proposed report is intended to familiarize the audience with the life of this largest community of Banat-Bulgarians in the territory of Serbia. The aim of this study is to describe and analyse the current linguistic situation of the Bulgarians living in the village of Ivanovo, who are an ethnic minority both in the country, in the region and in the village.

The Bulgarians living in Ivanovo largely preserve traditional family and calendar rituals, traditional music, dances, etc. As markers of their ethnic culture, the informers named traditional clothing, primarily women's clothing, folk dances (to which the informers referred by the Serbian term *palćenske igre*), some elements of ritual, for example, *faršange* (a carnival marking the beginning of Lent, characteristic of the calendar rituals of many ethnic communities in the Banat, both Catholic and Orthodox). These cultural phenomena are not directly related to language; language is only a means of signifying them, and even that is not always the case. ■

¹ *Kálápiš A.* 145 godina od doseljavanja banatskih Bugara-Palćena u Ivanovo. Temišvár, 2014.

Наталия Геннадьевна Голант

(Музей антропологии и этнологии РАН (Кунсткамера),
Санкт-Петербург, Россия)

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ОДНОМ БАНАТСКОМ СЕЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ К БОЛГАРАМ В С. ИВАНОВО ОБЩИНЫ ПАНЧЕВО, СЕРБИЯ)

Доклад посвящен характеристике одной из общностей банатских болгар-католиков (серб. *палћене, палћани, палћани, палћени*, банат.-болг. *palkene*), живущих на территории Сербии. Он основан преимущественно на материалах полевых исследований автора, проводившихся в апреле 2024 г. в с. Иваново, которое входит в состав общины Панчево Южно-Банатского округа Сербии (Автономный край Воеводина). При сборе материала использовался главным образом метод интервью. Основное внимание автор уделяет вопросам функционирования в этой общности банатско-болгарского языка и современного литературного болгарского языка. В докладе освещена, в частности, ситуация с преподаванием этих языков в рамках школьного и внешкольного образования, приводится краткая характеристика пособия для параллельного изучения банатско-болгарского и современного литературного болгарского языков, написанного местным краеведом А. Калапишем и преподавателем из Болгарии О. Цветковым, анализируются различные надписи, на территории села: таблички с названиями улиц, вывески с названиями учреждений, дорожные знаки, надписи на могильных плитах, некрологи, объявления о похоронах и поминках и пр.

Язык и культура банатских болгар, живущих в Сербском Банате, в последние годы стали предметом изучения в Болгарии, Сербии, России и других странах, преимущественно в среде социолингвистов. В числе заслуживающих упоминания можно, в первую очередь, назвать публикации Ценки Ивановой, Нички Бечевой, Марии Вучкович, Биляны Сикимич и Мотоки Номачи, в которых

представлены результаты изучения современного состояния банатско-болгарского языка на территории Сербии в целом, а также статьи Елены Семеновны Узеновой о диалекте и традиционной культуре болгар, проживающих в деревне Бело Блато в городском округе Зренянин в Центральном Банате. В то же время, автору известна одна единственная публикация, полностью посвященная банатским болгарам, живущим в Иваново — книга уроженца этой деревни, историка-краеведа Августина Калапиша, написанная на банатском болгарском языке и опубликованная в 2014 г. в Тимишоаре (Румыния)¹. Доклад знакомит слушателей с жизнью самого большого сообщества банатских болгар на территории Сербии, живущих в деревне Иваново, являющихся этническим меньшинством в стране, регионе и самой деревне.

В целом, болгары, живущие в Иваново, сохранили традиционные семейные и календарные обряды, традиционную музыку, танцы и пр. В качестве маркеров своей этнической культуры информанты называли традиционную одежду, прежде всего женскую, народные танцы (*palćenske igre*), некоторые элементы обрядности, например *faršange* (карнавал, знаменующий начало Великого поста, характерный для календаря многих этнических сообществ Баната, как католиков, так и православных). Эти культурные феномены напрямую не связаны с языком: он служит лишь средством их выражения, причем не всегда. ■

¹ *Kálápiš A.* 145 godina od doseljavanja banatskih Bugara-Palćena u Ivanovo. Temišvár, 2014.

Sergej Borisov

(Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia)

EPIGRAPHY OF CZECH TOMBSTONES IN THE VILLAGE OF SFÂNȚA ELENA IN THE BANAT

This study analyses inscriptions on tombstones placed on the graves of members of the Czech minority community in the village of Sfânta Helena (Czech: Svatá Helena). It is located in the municipality of Coronini in the Caraș-Severin County. According to the 2021 census, Czechs (220 people) make up 15 % of the municipality's population. During the 2019 expedition, about 100 photographs of Czech tombstones were taken, which make up the primary material of the study. In recent years, the linguistic epigraphy of tombstones in places where Slavic minorities live has been actively developed, the structure of inscriptions has been analysed, and their typology has been established. The central element of an epitaph is always an anthroponym — the surname and first name of the deceased, while the content of the “framing inscription” is often conditioned by religious, national or regional tradition. On Orthodox, Catholic and Greek Catholic tombstones examined during our expeditions to the minority communities of Serbia, Croatia and Bosnia and Herzegovina, the most common formula is “Here rests (in peace / servant of God)”. Other findings in the cemetery of Sfânta Jelena, include, for instance: *ZDE ODPOČIVA JOSEF STEPNIČKA*. On the type steles, where a pre-engraving in Romanian says, *Aici odihnește robul lui Dumnezeu* (Here rests the servant of God), the Czech formula may be duplicated. If the tombstone is dedicated to two or more members of the same family, the surname is given in the form of a possessive adjective after the word *rodina* (family): *Zde v Pánu odpočívá RODINA ČERNÍKOVÁ* (there is also a variant of the suffix with a long suffix at the end: *-ová*). In most cases, female surnames have the suffix *-ová* (both with and without a long ending): *ANIČKA JELÍNKOVÁ*, *MARIE BOROVIČKOVA* (an interesting hypercorrect adjectival form of a male surname, probably

of her spouse: *FERDA BOROVIČKOVY*). There is also the use of the masculine form of the surname when referring to both a man and a woman: JOSEF STEPNIČKA, ŽOFIE STEPNIČKA. In the lower part of the framing inscription on Czech monuments in Sfânta Jelena, quotations from the Psalter and the New Testament are most frequent, which can be explained by the Protestant tradition. In the 1830s, 84 Czech families of the Catholic denomination and 29 Protestant families (most probably of the Helvetic denomination) lived in Sfânta Jelena. Later, most of the Reformats in Sfânta Jelena became Baptists. The symbolism of Czech Protestants included, and still includes, the image of a cup or a book and a cup, which is also reflected on tombstones, including those erected in recent years.

The linguistic analysis is aimed at identifying morphological and graphical-orthographic features of the inscriptions arising from the contact between the unrelated Czech and Romanian languages. Among the orthographic peculiarities are the absence or inconsistent use of diacritical marks, especially the use of longitudinal marks; the indistinction of i/y orthographic variants; the marking of consonants by means of Romanian orthography. Here is an example of an inscription with Romanian orthography: *TABORSCHI VENȚEL / 1953–2015 / NA KONCI ȚECHTO DNŪ K / NÁMPROMLUVIL BUH (Taborschi Vențel / 1953–2015 / At the end of these days / God spoke to us).*

The Romanian orthography is used to record the anthroponym in this example, probably because first and last name of the deceased were recorded like this in his documents. The framing inscription, which is a quotation from a sacred text, is written in Czech orthography with the only deviation in the word BUH (cf. Bůh). In general, the Czech epitaphs in the cemetery in Sfânta Elena are characterised by the consistency of the Czech orthography, which can be explained by the fact that in Romanian villages with a significant number of members of the Czech minority, the Czech language, as well as all other subjects of the school curriculum for grades 1–8, are still taught in Czech. However, the deviations from the standard found in the inscriptions allow us to assess in which positions interference is most frequently manifest. ■

Сергей Александрович Борисов

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

ЭПИГРАФИКА ЧЕШСКИХ НАДГРОБИЙ В СЕЛЕ СФЫНТА-ЕЛЕНА В БАНАТЕ

Исследование посвящено анализу надписей на надгробиях, установленных на могилах представителей чешского миноритарного сообщества в селе Сфынта-Елена (рум. Sfânta Elena, чеш. Svatá Helena). Оно расположено в коммуне Коронини жудеца Караш-Северин. По данным переписи населения 2021 г. чехи (220 чел.) составляют 15 % населения коммуны. Во время экспедиции 2019 г. было сделано около 100 фотографий чешских надгробий, которые составляют материал исследования. В последние годы активно развивается лингвистическая эпиграфика надгробий в местах проживания славянских меньшинств, анализируется структура надписей, выстраивается их типология. Центральным элементом эпиграфии всегда является антропоним — фамилия и имя усопшего, при этом содержание «обрамляющей надписи» часто обусловлено религиозной, национальной или региональной традицией. На православных, католических и греко-католических надгробиях, исследованных нами во время экспедиций в места проживания национальных меньшинств Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины, наиболее распространенной является формула «Здесь покоится (в Бозе / слуга Божий)». Она же встречается на кладбище в Сфынта-Елене, напр.: ZDE ODPOČIVA JOSEF STEPNIČKA. На типовых стелах, где предварительно выгравировано рум. Aici odihnește robul lui Dumnezeu (Здесь покоится слуга Божий), может дублироваться чешская формула. Если надгробие посвящено двум и более членам одной семьи, то фамилия указывается в форме притяжательного прилагательного после слова rodina 'семья': Zde v Pánu odpočívá RODINA ČERNÍKOVA (встречается также вариант суффикса с долготой на конце: -ová). Женские фамилии в большинстве случаев имеют суффикс -ová (как с долго-

той, так и без): ANIČKA JELÍNKOVÁ, MARIE BOROVIČKOVA (интересна гиперкорректная адъективная форма мужской фамилии, вероятно, её супруга: FERDA BOROVIČKOVY). Встречается также использование мужской формы фамилии при указании как на мужчину, так и на женщину: JOSEF STEPNIČKA, ŽOFIE STEPNIČKA. В нижней части обрамляющей надписи на чешских памятниках в Сфынта-Елене чаще всего встречаются цитаты из Псалтыри и Нового Завета, что обусловлено протестантской традицией. В 1830-е годы в Сфынта-Елене проживали 84 чешские семьи католического вероисповедания и 29 семей протестантов (вероятнее всего, гельветского исповедания). Позже большая часть реформатов в Сфынта-Елене стали исповедовать баптизм. Символика чешских протестантов включала и продолжает включать изображение чаши, либо книги и чаши, что также находит отражение на надгробных памятниках, в том числе установленных в последние годы.

Лингвистический анализ направлен на выявление морфологических и графико-орфографических особенностей надписей, обусловленных контактом неродственных чешского и румынского языков. Среди орфографических особенностей выделяется отсутствие или непоследовательное использование диакритических знаков, прежде всего, долготы; неразличение орфографических вариантов *i/u*; обозначение согласных средствами румынской орфографии. Приведем пример надписи, в которой встречаются вкрапления румынской орфографии: TABORSCHI VENȚEL / 1953–2015 / NA KONCI ŤECHTO DNŮ K / NÁM PROMLUVIL BUN (Таборски Венцел / 1953–2015 / В конце этих дней / к нам обратился Бог).

Для записи антропонима в этом примере используется румынская орфография, вероятно, по причине того, что в документах усопшего имя и фамилия зафиксированы именно таким образом. При этом обрамляющая надпись, представляющая собой цитату из священного текста, записана средствами чешской орфографии с единственным отклонением от нее в слове BUN (ср. чеш. *Bůh*). В целом чешские эпитафии на кладбище в Сфынта-Елене отличаются последовательностью соблюдения чешской орфографии, что объясняется тем, что в румынских селах, где проживает значи-

тельное количество представителей чешского меньшинства, до сих пор ведется преподавание чешского языка, а также всех остальных предметов школьной программы для 1–8 классов на чешском языке. Однако встречающиеся на надписях отклонения от стандарта позволяют оценить, в каких позициях чаще всего проявляется интерференция. ■

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**«СКАЗОЧНЫЙ МИР, УДИВИТЕЛЬНЫЙ КРАЙ»?
ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ПОЛИЭТНИЧНОГО БАНАТА**

Тезисы

Международного «круглого стола» на платформе Zoom,
10 апреля 2025 г.

Редакторы-составители:

О.В. Хаванова, Д.Ю. Ващенко

Компьютерная верстка:

П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
119991, Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 08.04.2025. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 2,09.
Объем 2,25 печ. л.

Заказ № 17.

Тираж 300 экз.